

Переписка М. А. Кузмина и Н. В. Смолича

*Публикация К. Учителя (Европейский университет в Санкт-Петербурге),
П. Дмитриева (Музыкальная библиотека Санкт-Петербургской академической
филармонии им. Д. Д. Шостаковича)*

Переписка Н. В. Смолича и М. А. Кузмина, относящаяся к 1930–1931 годам, практически полностью посвящена совместной работе режиссера и драматурга над новой версией оперы «Руслан и Людмила», осуществленной в московском Большом театре и позволяет частично воссоздать характер переделки текста либретто, художественную концепцию, образ плохо задокументированного и мало изученного спектакля.

Письма Н. В. Смолича публикуются по автографу: РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 377.

Письма М. А. Кузмина публикуются по автографу: Отдел рукописей Музея театрального, музыкального и киноискусства Украины, ед. хр. 27251, инв. № 15255.

Авторы искренне благодарят работников архивов за предоставление уникальных материалов.

1

Смолич – Кузмину
2 июля 1930 года, Москва

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич.

Обращаюсь к Вам с огромной просьбой, помочь моей новой постановке «Руслан и Людмила», внеся в текст Ваши исправления, нужные в связи с интерпретацией спектакля. Я ограничусь несколькими словами, т<ак> к<ак> подробности Вам расскажет худ<ожник> Петр Иванович Соколов,¹ который оформляет этот спектакль.

1) Исправить текст Марковича, Ширкова, Гедеонова и Кукольника² – прямой долг русского поэта по адресу этого произведения.

2) Сам Пушкин в год смерти говорил, что хочет переделать Руслана.³

3) Весь разрыв спектакля и музыкальной части построен (помому) в неверном ключе, взятом для разрешения этой оперы.

Пушкин перефразировал и русифицировал⁴ древний скифский, соляренный миф, а Глинка в своей музыке гораздо больше чувствовал первоисточник, чем переложение.

Спектакль разрешается в сторону народного, весеннего праздника, с включением в него действия или игрища, темой которого служит древний миф, изображающий борьбу сил природы за обладание землей (Руслан, Черномор за Людмилу). И весь спектакль, с включением в действие и увертюры, я строю по этому принципу, из чего следует, что многие выражения и словечки, привнесенные сюда либреттистами, оказываются чужими. В частности: «князья» и «княжна» не годятся, раз это ранняя эпоха и относятся эти названия к изображениям элементов природы.

«Киев наш благословенный», «Днепр широкий». Славословие державы Светозара, поход на Царьград и пр<очее>. Вот формальные части исправлений. Остальные, если Вы найдете нужным, помогут Вашему пониманию взаимоотношений действующих лиц и отчетливости их индивидуальностей. Вы это взвесите и определите сами, когда П. И. Соколов более обстоятельно расскажет Вам все детали (на что его вполне уполномочиваю), т<ак> к<ак> в письме не все скажешь. Если же Вы не удовлетворитесь этим, то приезжайте ко мне в Москву (что оплачивается Большим театром). Свои материальные условия сообщите и Вам немедленно будет выслан аванс. Остаюсь с надеждой, что Вы поможете своим талантом сделать попытку оживить это гениальное произведение Глинки.

Уважающий Вас Н. Смолеч.

2 / VII <19>30 г<од>.

Адрес: Москва 9. Брюсовский пер<еулок> 12 кв. 4.

Тел. 1–59–81.

¹ О П. И. Соколове см.: наст. изд. с. 458

² Н. А. Маркевич (Маркович, 1804–1860), В. Ф. Ширков (1805–1856), М. А. Гедеонов (1814–1855) и Н. В. Кукольник (1809–1868) – либреттисты «Руслана и Людмилы».

³ Очевидно, речь идет об эпизоде на субботах В. А. Жуковского в Зимнем дворце. Ср.: «На одном из вечеров Жуковского Пушкин, говоря о поэме своей “Руслан и

Людмила”, сказал, что он бы многое переделал, я желал узнать от него, какие именно переделки он предполагал сделать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намерения» (*Глинка М. И. Записки / Под ред. В. М. Богданова-Березовского. Л., 1953. С. 126*).

⁴ У Смолича — *русифицировал*.

2

Кузмин – Смоличу
18 июля 1930 года, Ленинград

18 июля 1930.

Многоуважаемый и дорогой
Николай Васильевич,

прежде всего, позвольте Вас поблагодарить за то, что Вы вспомнили обо мне и захотели привлечь меня к этой крайне интересной работе.

Конечно, Вы совершенно правы, Глинка через текст Пушкина видел совсем другое, чем у того написано.

Что солнечный миф (не только скифский, но вообще арийский) в этой сказке (как и в тысячи <так!> других) был заключен – несомненно. Несомненно и то, что Пушкину до этого мифа было очень мало дела. «Руслан и Людмила» – произведение еще вполне XVIII века, Вольтера, Касти и Виланда («Оберон»),¹ т<о> е<сть> шутовское, скептическое, фривольное обращение с вещами, считавшимися священными (еще шаг, и «Гаврилада»),² вся историческая и национальная бутафория – явная бутафория, ложно-народный стиль, скользкие места, постоянное сползание в современность. Это вроде как «Амур и Психея» – глубокое и религиозное сказание древности, даже у Апулея сохранившее свой мистериальный характер,³ у Лафонтена и Богдановича⁴ приняло характер эротической пасторали и маскарада. Так и «Руслан» Пушкина.

Совсем другое получается у Глинки, настоящая серьезность, настоящая народность, настоящий хороводный и игровой характер. Конечно, кроме внешнего сюжета, там почти нет ничего общего, кроме общности художественной: ясности, легкости, прозрачности при пол-

новесности и значительности. Конечно, Глинка уже *по-другому* читал Пушкина, как мы *по-другому* читаем и Пушкина, и Глинку. В этом и живучесть великих произведений (Шекспира, Гомера, Моцарта),⁵ что их каждое поколение читает по-другому, какового испытания не выдерживают вещи слишком своей эпохи, слишком актуальные.

«Руслан» Глинки, конечно, родоначальник игрово-мифических этнографических опер Римского-Корсакова, а не историко-бытовая вещь и не национально-патриотическая вещь, как смотрели современники или даже сам Глинка под влиянием Кукольника. В этом Вы совершенно верно и замечательно усмотрели ключ к нахождению нужных нам соответствий после того, как исчезли соответствия традиционные.

То, что мне рассказывал П. И. Соколов, очень меня пленило. И Наина как тюремщица заледенелых рек (вода – всегда женская стихия) и «действие» увертюры и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>.

Теперь о работе.

Прежде всего, Николай Васильевич, я думаю, что дело не может ограничиться механическим изгнанием неудобных словечек историко-бытового характера («князь» «Днепр» и т<ому> п<одобное>), нужна более коренная и более «насквозь» проверка текста. Конечно, главным образом хоров. Солисты вообще — народ косный, да и, конечно, переучивать текст оперы, которая с детства наслала на языке, — трудней, чем выучить *новый* текст *новой* оперы. Это требует большего внимания и большей самодисциплины. По возможности отставить их в покое, но не абсолютно.

Тут на каждом шагу мне придется справляться у Вас: кого в данную минуту хор (всегда ли это «греческий хор»?) изображает. Хотя, если что получится не так, всегда можно переделать, и я с радостью, без обиды и задержек это буду делать.

Вы мне пришлите и дальнейший Ваш адрес, или пункты⁶ остановок в случае переездов, чтобы я мог с вами «держать связь». Запишите мой адрес.

М. А. Кузмин

Ленинград. Ул. Рылеева, д. 17, кв. 9.

Теперь о материальных условиях. О них трудно говорить, не зная точно сколько будет работы. И потом, хотите ли Вы, чтобы это была *сдельная* работа без *дальнейших обязательств*, или договор с Мод-

пиком⁷ насчет %. Второе сложнее, потому что не могу же я брать за небольшие (м<ожет> б<ыть>) исправления авторские по пяти актам!

Предлагаю так. Я беру за исправления (до 1/3 текста) 300 рублей, причем 150 Вы мне вышлете сейчас же, а 150, когда я сдам клавир (к 1 октябрю, если нужно к 15 сентябрю).

Если Модпик запротестует или исправлений будет больше, то дирекция заключит договор (из расчета *двух* действий, никак не больше), а триста рублей будут считаться авансом и вычтутся из первых представлений. Значит

1) Или сдельная работа за 300 рублей (150 рублей сейчас и 150 по сдаче материала),

2) Или договор на 2 акта с авансом в 300 рублей (сроки выплаты те же, что и в первом случае).

Относительно первой порции Вы, Николай Васильевич, похлопочите, чтобы это поспело раньше, чем все разъехались. Пускай, если можно, переведут даже телеграфом за мой счет.

Относительно моего приезда это гораздо сложнее, я и занят очень и не совсем здоров, да и сейчас не могу предвидеть всех вопросов, какие встретятся по ходу работы. Работу частями я могу Вам высылать, только ставьте меня в известность, где Вы будете находиться в известный период времени.

Мне очень хочется приняться за эту работу.

Еще раз благодарю Вас и остаюсь искренне всегда уважавший и уважающий Вас, М. Кузмин.

18 июля 1930.⁸

¹ Кузмин довольно точно называет в одной только строчке источники вдохновения Пушкина в его работе над «Русланом и Людмилой» (как можно судить по пушкиноведческой исследовательской литературе). Здесь, среди первых, должна быть названа поэма Вольтера «Орлеанская девственница» (оказавшая безусловное и прямое воздействие на написание Пушкиным «Гавриилиады»), фантастическая поэма Х.-М. Виланда «Оберон» и упомянутый ниже роман Апулея «Золотой осел», в частности, вставная повесть о Психее. Джамбаттиста Касти (1721–1803), итальянский писатель, прославившийся своими остроумными и фривольными стихами, был принят при дворе Екатерины Великой. В библиотеке Пушкина сохранились издания основных произведений Касти.

² Поэма Пушкина «Гавриилиада» (1821) упоминается Кузминым в общем контексте тенденции, идущей от XVIII в.: профанирования сакрального.

³ Имеется в виду вставная повесть о Психее в романе Апулея «Золотой осел». Кузмину принадлежит перевод романа Апулея (первое издание 1929 в издательстве «Academia»), считающийся до сих пор стилистически образцовым.

⁴ Жан де Лафонтен (1621–1695), величайший французский баснописец, упомянут тут не случайно, а в связи с поэмой Пушкина. У Пушкина в «Руслане и Людмиле» эпизод перенесения героини в замок Черномора во многом совпадает с аналогичными эпизодами в повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), как в подлиннике, так и в стихотворном переложении Лафонтена, выполненным И. Ф. Богдановичем («Душенька»), в свою очередь восходящими к Апулею.

⁵ Шекспир, Гомер и Моцарт были не только любимыми авторами Кузмина: к творчеству каждого из них Кузмин «приложил руку» в прямом смысле слова. На протяжении нескольких лет (конец 1920–начало 1930-х) он перевел восемь комедий и трагедий Шекспира, его сонеты, в 1933 – сцену прощания Гектора с Андромахой из «Илиады». Ему принадлежат также и переводы либретто трех опер Моцарта (об этом см.: с. 323–324 наст. изд.).

⁶ У Кузмина очевидно описка – *пунктны*.

⁷ Модпик – Московское общество драматических писателей и композиторов. Кузмин был членом Ленинградского отделения Модпика от момента его возникновения (1926). Несмотря на то, что с 1929 оно было упразднено и вошло в Всеросгосдрам, Кузмин именуется его по-старому.

⁸ Дата проставлена Кузминым и в начале, и в конце письма.

3

Смолич – Кузмину
Начало сентября 1930 года, Москва¹

Прошу спешно уложить текст головы выпустив второй куплет = скоро сообщу о ходе работы привет = Смолич

¹ Телеграмма на бланке. Сохранность документа не позволяет представить дополнительную информацию.

4

Кузмин — Смоличу
7 сентября 1930 года, Ленинград

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Васильевич,

Меня не было в городе, когда пришла Ваша телеграмма.¹ Отвечаю письмом, а не телеграфом, так как хочется сообщить более подробно.

У меня сделано до сцены с головой,² т<о> е<сть> почти два акта. Перепишу и пошлю вам в понедельник-вторник. Там есть одна-две

дырки не заделанные. Переделка не только там, где Вы указали, а где иногда и сам откопаю. Я *не подтекстовываю*, конечно, до вашей санкции и пришлю Вам переписанные отдельно. Умоляю скорее прислать дальше Ваши указания и пожелания, так как иначе трудно работать. А теперь я гораздо свободнее, чем в августе, так что мог бы очень приналечь. Николай Васильевич, шлите скорей хоть часть указаний, еще до полочки первых двух действий.

Остаюсь искренне вам преданный, М. Кузмин.

7 сентября 1930.

Ваша телеграмма не означает ничего тревожного?

¹ См. п. 3.

² Имеется в виду до № 9 «Сцена с Головой» (II действие), т. е. примерно треть от общего объема пятиактной оперы.

5

Кузмин – Смоличу
10 сентября 1930 года, Ленинград¹

Дорогой Николай Васильевич,

Простите, что я не так торопился. Думаю кончить все числа 20 (или 18). При ничтожности результатов, это очень кропотливое дело. Связан и музыкой, и желанием сохранить (для певца) строение фразы и возможно большее количество старых слов. Так что уж за абсолютное качество стихков не взыщите, только бы подходило под Ваше толкование. Дорогой Николай Васильевич, если Вам это не нравится, я постараюсь исправить без малейшей задержки. Но первые хоры, по-моему, вышли довольно складно и игрово. Теперь самое трудное будет, конечно, самый конец. Но в общих чертах-то это, что Вам нужно было? это главное. Буду посылать хоть через день понемногу.

Жму руку.

Искренне преданный Вам, М. Кузмин.
10 сентября 1930.

¹ Адреса на конверте:

Москва 9 Николаю Васильевичу Смоличу. Брюсовский 12 кв. 4;
М. Кузмин Ленинград. ул. Рылсева, д. 17, кв. 9.

Кузмин – Смоличу
Октябрь–ноябрь 1930 года, Ленинград¹

Дорогой Николай Васильевич,

Деньги я получил, большое спасибо. Клавиры я подтекстовал, внеся Ваши варианты. Конечно, на месте, принимая во внимание индивидуальные особенности каждого певца и неминуемые перемены mise-en-scène² яснее необходимые переделки.

Я несколько огорчен, что так много из моей работы не пригдилось. Особенно мне было бы неприятно, если бы Вы сами были разочарованы³ в ней и считали бы, что я нее понял в общем Вашего замысла.

Не подтекстовал я двух мест, так как не понял, как текст подходит под ноты:

1) стр<аница> 336 ансамбль.⁴

2) стр<аница> 345 конец дуэта Гориславы и Ратмира, где они поют «Жизнь, радость, радость, дает».

В трех местах все-таки я разошелся с Вами, так как без явного насилия над музыкой текст невозможно согласовать с нею.

1) (мелочь) стр<аница> 169.

Ты клят//вы забывал свои

У Глинки после второго слога пауза,⁵ так что получалось бы

Тыклят вызабывал свои

Конечно, певица может это сгладить, но лучше на первое место поставить двусложное слово или

Забыл // ты клятвы все свои

или

Забыл все клятвы ты свои⁶

2) Хор на стр<анице> 343 (и повторение его). У Вас

Радость ныне ожидает нас⁷

В музыке резко с паузами делятся по два слога, порядок которых перетасован, так что получится:

Радость радость радость
Ныне ожи дает
Ожи ныне ожи
Дает дает ныне

потому я оставил свой текст:

Радость ныне солнцем дается нам,
которые как ни переставляй, смысл не теряется.

И наконец

1) В последнем хоре, стр<аница> 356

Фразы совершенно симметричны с резкими ударениями, так что получилось бы:

И от на́шей землі
Солнцу прѣкрасному́
Слава⁸

Я позволил себе сделать так:

И от нашей земли
Солнцу сла́ву поём:
Слава.

Вот и все. Остальные поправки я все занес в клави́р.

Еще раз благодарю Вас, Николай Васильевич, что вы вспомнили обо мне при этом случае и остаюсь искренне и издавна преданный Вам, М. Кузмин.

Финансовая часть просила меня уведомить меня в получении денег. Может быть, Вы не откажетесь передать туда прилагаемую расписку.⁹

¹ Адреса на конверте:

Москва 9 Николаю Васильевичу Смоличу Брюсовский д. 12 кв. 4;
М. Кузмин Ленинград ул. Рылеева д. 17 кв. 9.

² Мизансцены (*фр.*) – расположение актеров на сцене.

³ У Кузмина – *разочарованны*.

⁴ В работе над новым текстом использовалось издание: «Руслан и Людмила», волшебная опера в 5 действиях: сюжет заимствован из поэмы А. Пушкина с сохранением многих его стихов: для пения с фортепиано. Музыка М. Глинки; под редак-

цией М. Балакирева и С. Ляпунова. М.; Лейпциг: П. Юргенсон, [1896]. Номера досок: 30087–30113а.

⁵ Имеются в виду уже исправления в новом тексте (на месте старого «Ужели мне во цвете лет» либо: «Любви сказать: “Прости навек!”»).

⁶ Карандашом вписан вариант Смолича: «Слова ты забывал свои».

⁷ Редакция старого текста «Радость ныне боги дали нам».

⁸ Редакция старого текста (с. 357 клавира): «И на всей на земле / Осенит отчий край / Слава!». Карандашом вписан вариант Смолича: «И от всех на земле / солнцу красному вновь / – Слава».

⁹ Отсутствует в письме.

7

Кузмин – Смоличу
20 июня 1931 года, Ленинград¹

20 июня 1931.

Дорогой и многоуважаемый Николай Васильевич,

Я писал Вам как-то, но С. Ю. Левик,² который виделся с Вами, говорит, что Вы моего письма не получали. Положим, «дела» о которых я вам писал, теперь более или менее выяснились. Я писал о «Телле» и о «Кармен». О «Телле» с Вами говорил С. Ю., а «Кармен» по-видимому, отпала.³ Теперь С. Ю. Левик предлагает мне переработать вместе с ним его перевод «Отелло».⁴ Конечно, если б я взялся за это, я бы стал делать это в плане большого приближения и Шекспиру и искореняя, если они еще остались, всяких оперных условностей <так!>, и делал бы это с большим увлечением, но я не знаю, насколько это предложение реально. М<ожет> б<ыть>, у Вас есть совсем другие планы насчет «Отелло» и не стоит за это браться? Я не прошу у Вас гарантий, милый Николай Васильевич, но скажите мне по-дружески. Если *нет*, так ведь обиды тут никакой не будет. А то жалко не столько времени, сколько увлечения, с которым бы я за это принялся. Ответьте, Николай Васильевич, поскорее, а то Вы совсем меня забыли. Не написали ни о «Руслане», ни о чем, будто меня нет на свете.

Всего хорошего.

Ваш М. Кузмин.

¹ Адреса на конверте:

Москва Николаю Васильевичу Смоличу Брюсовский пер. д.12 кв. 4;

М. Кузмин Ленинград ул. Рылеева д. 17 кв. 9.

² Сергей Юрьевич (Израиль Юделевич, Юлианович) Левик (1883–1967), оперный певец (баритон), музыковед, педагог, переводчик.

³ «Вильгельм Телль», романтическая опера Джоакино Россини в 4 д. Либретто Э. Жуи, И. Би и А. Марра. Кузмину принадлежал перевод стихов, Левик — прозаических диалогов. Перевод был выполнен для постановки спектакля в ленинградском Государственном академическом театре оперы и балета. (Премьера – 23 января 1932, дирижер – В. А. Дранишников, режиссер – С. Э. Радлов, художник – В. М. Ходасевич). Сохранились сведения, что совместно с Левиком Кузмин работал также над переводами либретто «Трубадура» Дж. Верди и «Гугенотов» Дж. Мейербера (ЦГА-ЛИ СПб, ф. 437, оп. 1. ед. хр. 171). «Кармен», опера Жоржа Бизе в 4 д. Либретто А. Мельяка и Л. Галеви. О совместном переводе с Левиком нам ничего не известно. Кузмин перевел текст либретто несколько позже для постановки (неосуществленной) на сцене ленинградского Государственного академического театра оперы и балета в 1934 (режиссер — А. Я. Таиров, дирижер — А. Коутс, художник — В. М. Ходасевич). Перевод Кузмина основывался на авторской версии (с разговорными диалогами).

⁴ Такая переработка нам не известна.

8

Смолич – Кузмину
22 июня 1931 года, Москва

Дорогой Михаил Алексеевич!

Удивлен, что и Вы в свою очередь не получили мое письмо по-сле «Руслана».¹ Я временно был удивлен, что Вы не сообщили мне о его получении, но теперь видно моя очередь. Никакого письма, кроме этого, от 20 июня, я не получал.² Надо перестать удивляться, т<ак> к<ак> только что мои 2 телеграммы в Ленинград обе не дошли в течение уже 12-ти дней.³ Каково! Американские темпы! Что касается «Отелло», то Ленинградский перевод у нас забракован, а на лето надо было раздать партии, т<ак> к<ак> постановка ранняя. Я взял тот, где основные части уже были готовы: 1 акт, 2 (вторая часть и последняя картина), и он мне понравился.⁴ Простите, что вышло так, но я не думал, что «Отелло» Вас заинтересует.

Будьте здоровы и не сетуйте на любящего Вас.

Н. Смолич.
22 / VI <19>31 г<ода>.

Левик предложил мне сделать перевод «Отелло», но я сказал, что у меня он уже есть. Смешняк!

¹ Письмо не найдено.

² Речь идет о п. 7.

³ Упомянутые телеграммы не разысканы.

⁴ Премьера постановки оперы Дж. Верди «Отелло» в Большом театре в постановке Смолича состоялась 25 марта 1932 (дирижер – А. Ш. Мелик-Пашаев, художник — П. И. Соколов, балетмейстер – А. И. Чекрыгин). В постановке был использован перевод либретто, выполненный Е. Ю. Геркеном.